

История

Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г. в России и развитие «Движения за новую культуру» в Китае

© 2017

Н.Л. Мамаева

Наиболее сильное влияние России Китай испытал в годы Октябрьской революции и в послеоктябрьский период. Важное место занимало идейно-культурное влияние России на «Движение за новую культуру» в Китае (1915–1925), на основе которого развивались Движение 4 мая 1919 г. и подъем революционного движения в Китае в 1925–1927 гг. Изучение идейно-культурных аспектов взаимодействия и влияния марксизма-ленинизма на Китай переносит центр тяжести взаимодействия сторон на области идеологии, культуры, демократии и демонстрирует специфику исторического процесса в Китае.

Ключевые слова: Первая мировая война, Октябрьская революция, «национальный суверенитет», антиимпериализм, «Синь циннянь» («Новая молодежь»), Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, марксизм-ленинизм, марксистские кружки, РКП(б), Коминтерн, партийное строительство, пропаганда и агитация, КПК.

Взаимосвязь внутренних факторов и внешних влияний на Китай наиболее четко и всесторонне проявила себя в Движении 4 мая 1919 г., развивавшегося на базе первоначального этапа Движения за новую культуру¹. Как уже неоднократно отмечалось в историографии, интеллектуальный подъем, идеи освобождения и раскрепощения личности, революция в литературе и языке, реформа системы народного просвещения отражали в целом стремление к обновлению, к разрыву со старой феодальной культурой, тесно связанной с догматами конфуцианства, и одновременно — стремление образованных слоев населения к утверждению и укреплению буржуазно-демократических ценностей, характерных для западных стран.

Между тем Первая мировая война и тяжелые условия экономического, политического и социального характера в постсиньхайское время, более того, элементы хаоса в политической сфере Китайской Республики (КР) привели к тому, что некоторые передовые деятели страны, такие как, Чэнь Дусю, Ли Дачжао и другие начинали сомневаться в целесообразности для Китая буржуазной демократической республики, как не впол-

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.

Статья написана при поддержке РГНФ (РФФИ), проект № 16–21–10001/16.

не отвечающей условиям Китая, и призывали к обсуждению вопроса о том, существуют ли у Китая иной выход².

Сведения об Октябрьской революции в России очень скоро стали достоянием общественности Китая. С 10 ноября 1917 г. китайские газеты и журналы стали публиковать сообщения о событиях в России, о первых шагах советского государства в области внутренней и внешней политики. Однако подробная информация о революции в России, включая документы Советского правительства о принципах внешней политики Советской России относительно Китая, в течение полутора-двух лет после свершения революции доходила до Китая медленно, преодолевая препятствия, чинимые западными державами, опасавшимися распространения марксизма и большевистских идей на Китай и другие страны³. В годы гражданской войны в России (1918–1922) Китай, совершенно отрезанный чехословацким выступлением, а затем армией Колчака от всякого общения с Советской Россией, лишь после взятия большевиками Владивостока получил возможность вплотную следить за борьбой Красной Армии с интервентами и белогвардейцами.

Внутриполитическая обстановка развивалась в направлении расширения и углубления массового движения под патриотическими лозунгами. Крупнейшие события в этом направлении происходили в процессе так называемого Движения 4 мая 1919 г. Имевшее ярко выраженную антияпонскую окраску, это Движение стало поворотным пунктом в идейно-политическом развитии Китая, выдвинув на повестку дня проблему национального спасения и поставив вопрос о путях развития и возрождения страны. Исходные моменты «переоценки ценностей» в общественной и политической жизни прямо или косвенно были связаны с Движением за новую культуру.

Движение 4 мая 1919 г. стало решительным поворотом к формированию в обществе антиимпериалистических позиций. Это — важный момент в истории политического развития Китая 20-х — 40-х годов XX века.

Как писал Мао Цзэдун в своей статье «О новой демократии», Движение 4 мая характеризовалось стремительным присоединением к нему с июня 1919 г. не участвовавших активно ранее в общественно-политической жизни страны социальных слоев и групп. К 3 июня революционное движение вовлекло в свои ряды широкие массы учащейся молодежи, интеллигенцию, пролетариат, мелкую и среднюю буржуазию и охватило всю страну, причем имели место грандиозные политические забастовки рабочих⁴. Как отмечается в китайской историографии, в ходе Движения 4 мая учащиеся Пекина и Шанхая направляли своих представителей для установления связей с Гоминьданом, но руководители Гоминьдана отказались от участия в Движении, объяснив это отсутствием у них необходимых сил⁵.

В отличие от Синьхайской революции, Движение 4 мая 1919 г. последовательно и бескомпромиссно выступило против империализма и против феодализма, характеризовалось патриотическим и демократическим подъемом. Оно, как считается в КНР, «идейно и организационно подготовило образование в 1921 г. Коммунистической партии Китая», а также возникновение и развитие Движения 30 мая 1925 г., в ходе которого учащиеся Шанхая организовали антиимпериалистические манифестации на территории иностранного селтльмента, призывая рабочих бороться за возвращение селтльментов Китаю. Последнее положило начало мощному революционному подъему, известному в литературе как «великая революция» 1925–1927 гг.⁶

Движение 4 мая 1919 г. ускорило процесс возникновения и последующего размежевания в стране политических сил, ориентированных на преодоление политической и социальной нестабильности в стране и создание сильной государственности. Российская и современная китайская историография характеризуют Движение 4 мая как переломный момент в истории китайского революционного движения и период, в течение которого в интеллигентской среде вышел на повестку дня вопрос возможности использования опыта Октябрьской революции в Китае.

С Движения 4 Мая 1919 г. и под впечатлением Октябрьской революции в России в истории Китая начался новый этап развития. Он характеризовался рождением новых теорий, подъемом национального и коммунистического движений, формировавшихся во взаимодействии с зарубежными идейными и политическими тенденциями. События в Китае были частью общего мирового процесса развития национально-освободительных движений во многих странах мира. После Октябрьской революции и Первой мировой войны волна революционных событий охватила ряд стран Европы, Америки и Азии. В ноябре 1918 г. были свергнуты германская и австро-венгерская монархии, 21 марта 1919 г. — провозглашена Венгерская Советская Республика, 13 апреля — Баварская Советская Республика. Усилилось забастовочное движение в Англии, Франции, США и Японии. Октябрьская революция дала толчок для подъема национально-освободительного движения в Индии, Индокитае, Корее, Индонезии, Сирии, Ливане, Ираке, Судане, Египте, Турции, Иране, Афганистане⁷.

Как показало Движение 4 мая, разочарование китайской общественности в президенте США Вильсоне и недовольство позицией союзников усилились по сравнению с дооктябрьским периодом. На фоне, по сути, предательства союзных государств Советская Россия уже в июле 1918 г. в лице наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина представила свою новую позицию относительно Китая, основанную на принципах уважения национального суверенитета КР, равенства и добрососедства.

Большое впечатление на общественность КР произвели уже первые шаги Советской России в ее внутренней и, особенно, внешней политике. основополагающие принципы новой внешней политики Советской России — равенства, мира, добрососедства, помощи — содержались в Декрете о мире (принят 8 ноября 1917 г.), Декларации прав народов России (принята 15 ноября 1917 г.), в Обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (принято 3 декабря 1917 г.). В «Обращении Совета Народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. содержались практически все основные подходы и принципы, на которых молодое Советское государство было намерено выстраивать систему международных отношений⁸. В нем было объявлено об отмене всех заключенных царской Россией со странами Востока неравноправных договоров. Президиум ВЦИК 2 декабря 1918 г. принял постановление о прекращении взыскания с китайского правительства сумм, причитающихся в виде военного вознаграждения по заключенному протоколу 1901 г. (так называемый боксерский протокол).

Лишь в марте 1920 г. Обращение от 3 декабря 1917 г. было доставлено в Китай и напечатано во всех крупных газетах. Политика равноправия, мира, дружбы, а также идеалы социальной справедливости, провозглашаемые Советским государством, получили глубокий отклик в широких слоях китайского общества. В последовавшем вслед за этим событием Обращении РСФСР от 25 июля 1919 г. к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая советская сторона нашла нужные слова, понятные широкому слою китайского населения, в котором изложила свою позицию в международных отношениях и относительно Китая: «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат поработанные народы Востока, и в числе их в первую очередь китайский народ...». Наряду с конкретно названными мероприятиями, такими, как отказ от завоеваний царского правительства, уничтожение всех особых привилегий, всех факторий русских купцов на китайской земле, четко формулировались и другие цели национального суверенитета, а именно: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». И далее: «если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале... пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»⁹. Эти планы сопровождались выражением готовности Советской Рос-

сии договориться по этим вопросам с китайским народом в лице его уполномоченных¹⁰. Пекинское правительство не только не ответило Москве, но предприняло попытки в ряде журнальных статей представить этот шаг Советского правительства как «обман и ловушку»¹¹. Китайская общественность ознакомилась с этим документом лишь весной 1920 г., в то время как руководство КР узнало о его содержании еще в сентябре 1919 г. Однако факт стремления китайского правительства скрыть от населения содержание новых принципов внешней политики Советской России и ее конкретные планы взаимоотношений с Китаем не остановили Советское правительство в его усилиях донести до китайской общественности судьбоносное содержание данного документа. В марте 1920 г. текст документа был передан китайским дипломатам и одновременно напечатан в прессе Иркутска, Верхне-Удинска и Владивостока. Причем из Владивостока текст Обращения был передан по радио и принят в Шанхае редакцией прогрессивной русской газеты «Шанхайская жизнь», которая 25 марта 1920 г. опубликовала его, а также издала специальным приложением тиражом 1 млн экземпляров¹². После этого Обращение было перепечатано многими китайскими газетами и журналами. Усилиями Советской стороны оно все-таки стало достоянием китайской общественности и реальным фактором влияния РСФСР на «Движение за новую культуру» в направлении усиления демократических аспектов, антиимпериалистических и антифеодалных требований, в значительной степени проявившихся в Движении 4 мая 1919 г.

Инициативы России в области внешней политики, которые были тесно связаны с победой Октябрьской социалистической революции, конечно, не оставили китайский народ равнодушным к формирующейся в Советской России новой внешней политике, не похожей на внешнеполитические действия в отношении Китая империалистических держав. В крупных городах КР начались выступления за нормализацию советско-китайских отношений, в которых участвовали многочисленные общественные организации, торговые союзы, депутаты парламента и даже некоторые милитаристы¹³. Перемена в сторону положительной оценки внешней политики советской стороны имела место и в правительстве КР, хотя и с существенными оговорками, среди которых можно отметить выдвигавшиеся китайскими дипломатами в неофициальных переговорах с советскими представителями условия, заключавшиеся в готовности китайской стороны начать переговоры с РСФСР лишь после того, как другие страны признают Советское правительство¹⁴.

Направление урегулирования советско-китайских отношений, несмотря на трудности, создаваемые руководством КР, а также великими державами, продолжало развиваться. 27 сентября 1920 г. Чжан Сылиню, участвовавшему в неофициальных переговорах по вопросу урегулирования советско-китайских отношений в Москве, была передана нота НКВД, в которой Советское правительство подтверждало содержание Обращения от 25 июля 1919 г. Оно включало положения, изложенные в «Обращении правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. В своем втором Обращении от 25 июня 1920 г. правительство РСФСР объявляло «...не имеющими силы все договоры, заключенные прежними правительствами России и Китаем», отказывалось от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращало «...Китаю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией». Российское и китайское правительства соглашались также «...заключить специальный договор о порядке пользования Китайско-Восточной железной дороги для нужд РСФСР...»¹⁵. Во второй документ была внесена существенная корректура: отсутствовала апелляция к правительству Южного Китая, что подчеркивало признание советской стороной Пекинского правительства как единого для всей страны законного правительства страны. Таким образом, в двух Советских декларациях и заявлениях (1919–1920 гг.), подписанных Л.М. Караханом и переданных китайской стороне, Советское государство объявило о своем отказе от прав и привилегий царской России и Временного правительства.

К концу 1922 г. наблюдалось укрепление международного престижа Советской России, заключившей торговые договоры и соглашения со многими державами. Это факт ускорил переход китайского правительства к активизации процесса нормализации советско-китайских отношений.

В Китай проникало и живое слово китайцев — очевидцев Октябрьской революции в России, занятых там в строительных работах (около 40 000 человек) в прифронтовой полосе во время Первой мировой войны.

Следующим шагом революционеров стали попытки разных общественных течений разобраться в характере Октябрьской революции, советской власти, партии большевиков. Вопрос о том, насколько соответствовала условиям Китая революция в России, стал одним из основных, которые ставила перед собою китайская интеллигенция и представители других социальных слоев, среди которых было немало участников Движения за новую культуру.

Дальновидность и стремление быть готовым к оказанию помощи прогрессивным демократическим силам Китая в деле усиления государственности и недопущения развала страны проявилась в разработке Москвой курса на тесное сотрудничество с партией Сунь Ятсена, в то время самой большой и авторитетной партией Китая, которая, пройдя ряд реорганизаций, получила в 1919 г. название Китайской национальной партии (Чжунго Гоминьдан)¹⁶. Контакты с ней начались еще до взаимодействия представителей Советской России, РКП(б) и международного коммунистического движения с китайскими коммунистами, которые создали свою партию с помощью РКП(б) и Коминтерна в 1921 г.

Сунь Ятсен и его сторонники приветствовали Октябрьскую революцию. Сунь Ятсен был первым из видных китайских общественных деятелей, кто выступал за признание Советской России азиатскими государствами и за широкую пропаганду в печати завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции¹⁷. В мае 1918 г. в беседе с японскими и индийскими журналистами в Шанхае Сунь Ятсен высказался за признание Советской России азиатскими государствами, за публикацию достижений Октябрьской революции. Летом 1918 г. Сунь Ятсен направил телеграмму Советскому правительству и его главе В.И. Ленину, в которой выражал глубокое восхищение самоотверженной борьбой Российской коммунистической партией большевиков и надежду на то, «что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». По вопросу использования в Китае опыта Октябрьской революции Сунь Ятсен демонстрировал выборочный подход¹⁸. Он одобрял антиимпериалистическую политику РКП(б), восхищался мужеством российских революционеров и российского народа в их борьбе с империалистической агрессией, считал необходимым изучение управленческого опыта советской власти, организации Советов, системы народного образования, строительства Красной Армии. Однако он не принимал коммунистическую идеологию, был противником вооруженной классовой борьбы¹⁹. Деятельность партии Гоминьдан, ставшей в результате влияния Октября массовой «партией действия», стала частью нового демократического этапа развития национального движения в Китае, в ходе которого были разбиты северные милитаристы и коренным образом изменилась ситуация в стране. Авторитет Сунь Ятсена, высоко ценившего отношения дружбы и сотрудничества с Советской Россией, несмотря на его неприятие коммунистической идеологии и классовой борьбы, оказал на коммунистов благотворное влияние в области отношений с Советским государством, соответственно способствовал более тесному сближению с РКП(б)/ВКП(б) и в результате — приобщению к марксизму-ленинизму.

Как отмечалось выше, именно в период патриотического подъема в Китае с июля 1919 г. до сентября 1920 г. Советское правительство дважды обращалось с декларациями в адрес Китая, заявив о намерениях РСФСР отказаться от всех привилегий в Китае. 17 января 1924 г. чрезвычайный и полномочный представитель СССР в Китае Кара-

хан в письме на имя главы китайской делегации по переговорам с СССР Ван Чжэнтин сообщил, что отказ Пекинского правительства от советских предложений, изложенных в декларации 1919 г., и поддержка им в то время антисоветской интервенции не дает на данный момент Китаю никаких оснований, а тем более прав требовать от СССР соблюдения обещаний, высказанных в той декларации. Тем не менее, Карахан подчеркнул, что при нормализации отношений между СССР и Китаем Советское правительство готово вернуться к своим обещаниям, высказанным в декларациях 1919 и 1920 г. Заключение 31 мая 1924 г. советско-китайского соглашения об установлении официальных дипломатических отношений между двумя государствами было успехом советской дипломатии и демократических сил Китая.

Заключение договора на объявленных принципах, демонстрация со стороны Советского государства глубокого уважения к китайскому народу были адекватно восприняты различными социальными слоями и группами КР. Параллельно с повышением авторитета Советской России в сфере внешней политики в Китае усиливался интерес и к идеологии, которой руководствовалась правящая партия России в подготовке и проведении Октябрьской революции. Успешная деятельность Москвы в деле нормализации советско-китайских отношений способствовала углублению революционных процессов в Китае, в том числе распространению марксизма и началу коммунистического движения.

Параллельное развитие действий, связанных с урегулированием советско-китайских отношений и событиями Движения 4 мая 1919 г., усилило восприятие в китайском обществе европейских идей социализма и опыта Октябрьской революции в России, распространение которых в широких масштабах относится уже к 1920-м годам, и создало предпосылки для последующего преодоления замкнутого круга воспроизводства милитаристских режимов.

Отметим при этом высокие оценки Мао Цзэдуна, данные в его статье «О новой демократии» Движению 4 мая 1919 г., истоки которого он тесно связывает с Движением за новую культуру. Он проводит связь между Движением за новую культуру, Движением 4 мая 1919 г. и последующими движениями, включая Движение 30 мая 1925 г, характеризовавшиеся подъемом национального, демократического и коммунистического духа.

Современная китайская историография, объясняя причины восприятия марксизма и большевизма в Китае, почти ставит знак равенства между ситуацией в России и Китае, то есть несколько преувеличивает элементы схожести исторического процесса в этих государствах. Без оговорок следует признать наличие и в Китае, и в России факта неравномерности развития регионов, что прямо отражалось в сфере экономики и политики, снижая уровень благосостояния населения и, в целом, угрожая стабильности в обеих странах²⁰. По ряду аспектов совпадения носили поверхностный характер. Так, между борьбой Советской России с иностранными интервентами во время гражданской войны и причинами антиимпериалистической позиции китайского революционного движения имела существенная разница. Гражданская война, как отмечается в российской научной литературе, — это вовсе не «три похода Антанты». Несмотря на участие войск иностранных держав в гражданской войне в России, каждая из которых преследовала свои интересы, эта война была прежде всего внутренним делом Советской России²¹. Китай, как известно, являлся полуколонией империалистических держав, которые проводили политику ущемления национального суверенитета страны, начиная с Опиумных войн середины XIX века, а после смерти Юань Шикая принимали активное участие в распрях милитаристских группировок за руководящие позиции в Пекинском правительстве. Таким образом, в политической жизни обоих государств антиимпериалистический аспект имел различные проявления и содержание.

Если в России на повестке дня стояли социальные проблемы, решение которых требовало выхода ее из войны, то в Китае на первом месте стояли задачи объединения страны, укрепления ее единства и восстановления национального суверенитета. Между

тем, опыт истории и в России, и Китае свидетельствует о том, что не следует абсолютизировать отдельные важные для государств и народов темы в качестве единственных причин революционных движений и революций. Жизнь значительно сложнее. Характеристика причин революции 1917 г. в России как следствия стечения целого ряда объективных и субъективных обстоятельств отражает именно такой указанный выше подход. Выдвинутые большевиками лозунги «земля — крестьянам» и «мир — народам», отразив самые жгучие потребности населения, обеспечили им поддержку со стороны широких социальных слоев. Революции, особенно ее начальному периоду, сопутствовали небывалый революционный подъем, атмосфера равенства и справедливости, что наряду с другими обстоятельствами свидетельствует о закономерности революционного подъема в конкретный исторический период и противоречит мнению ряда отечественных и зарубежных историков, считающих Октябрьскую революцию переворотом, не имеющим объективных корней.

Неудивительно, что Движение 4 мая 1919 г., выдвинувшее целый ряд злободневных требований и осуществлявшееся в условиях необычайного революционного подъема, воспринималось многими современниками как преддверие новой демократической революции.

Современная китайская историография разделяет приверженцев марксизма на три основные категории. К первой причисляет идейных вождей Движения за новую культуру в лице Ли Дачжао и Чэнь Дусю. Выступления Ли Дачжао в печати свидетельствуют, что уже в 1919 г. он выполнял функции первопроходца коммунистического движения в Китае²². Летом 1920 г. о своей приверженности марксизму прямо заявил и Чэнь Дусю. По его мнению, замена республиканской политической системы на социализм является «судьбоносной неизбежностью». При этом он выступал за использование революционных, в том числе, силовых методов революционной борьбы²³. Во вторую категорию включено ядро прогрессивной молодежи — Мао Цзэдун, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь, Юнь Дайин, Цюй Цюбо, Чжоу Эньлай²⁴.

К третьей категории историография причисляет часть членов Объединённой лиги, деятелей периода Синьхайской революции, таких, как Дун Биу, Линь Боцуй, У Юйчжан²⁵. Эти революционеры стали приверженцами социализма, учитывая множество событий и направлений исторического процесса, а именно: извлекая уроки из поражения Синьхайской революции, а также изучая теорию марксизма и успешный опыт Октябрьской революции в России. В результате такого тщательного всестороннего осмысления ситуации, они постепенно уходили от идей буржуазной демократии к идеям марксизма.

Одной из специфических характеристик развития коммунистического движения можно назвать тот факт, что все первые китайские марксисты были сторонниками борьбы за демократию. И будучи демократами, из всех многочисленных учений, распространенных в то время в Китае, они выбрали марксизм. Частично это можно также объяснить тем, что первые марксисты были выходцами из среды интеллигенции, хорошо знакомой с западными демократическими постулатами, которые, по их признанию, плохо «работали» в Китае. Важный момент: не отказываясь от демократических идей, они, «унаследовав дух демократии и науки», развили свои представления о демократии и науке на основе теории марксизма, наполнили эти представления новым содержанием. Речь идет о начале китаизации марксизма, о привлекательности для китайцев новых принципов внешней политики Советского государства, его опыта в партийном, государственном (Советы) и военном строительстве.

Большое значение в распространении марксизма и переходе к практическому воплощению идей марксизма-ленинизма в жизнь имела деятельность Коммунистического Интернационала — мирового центра коммунистического движения.

На повестку дня у передовых людей Китая встал вопрос о создании китайской пролетарской политической партии, которая руководствуется теорией марксизма.

В феврале 1920 г. Чэнь Дусю и Ли Дачжао начали обмениваться мнениями по поводу создания в Китае подобной партии. С начала 1920 г. Коминтерн принял решение направить своих представителей в Китай для встречи с теми, кто руководил Движением 4 мая. В 1919–1920 гг. в Китай прибыли первые представители РКП(б) для установления связей с революционными лидерами Китая, направленные партийным и государственным руководством Забайкалья и Приморья. Однако наиболее активную деятельность при подготовке создания Компартии Китая развернула группа Г.Н. Войтинского, прибывшего в Китай в апреле 1920 г. Члены группы встречались с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, рассказывали им о революции в Советской России, о РКП(б), обсуждали вопрос о создании в Китае Коммунистической партии. Эти встречи и беседы сыграли свою роль в последующем создании КПК. Организация и деятельность коммунистических кружков в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани и Цзинани, как свидетельствуют документы, оплачивалась Советской Россией²⁶, что сыграло колоссальную роль в переходе китайского коммунистического движения «от слов к делу». Нельзя недооценивать финансовую помощь, которую оказывал Коминтерн по ряду важнейших для формирования Коммунистической партии Китая направлений: в издательской сфере, в организации информационно-пропагандистской работы, в организации перевода на китайский язык «Программы Российской коммунистической партии», «Конституции РСФСР», «Кодекса законов о труде», в открытии и деятельности школы русского языка в Шанхае (1920 г.), в создании системы подготовки Коминтерном революционных кадров для Китая (в КУТВ, КУТК и других организациях в Москве) и т.д.

Следует отметить, что относительно свободный на современном этапе доступ российских исследователей к архивным фондам сделал возможным более глубокое и всеобъемлющее изучение финансовой помощи Советской России китайским коммунистам как при подготовке первого учредительного съезда КПК (июль—август 1921 г.), так и последующих съездов. Как следовало из корреспонденции представителей ИККИ Б.З. Шумяцкого и Г. Маринга в первой половине 1921 г., Коминтерн уже на стадии подготовки I съезда КПК оказывал китайскому комдвижению материально-финансовую поддержку²⁷. В книге И.Н. Сотниковой, вводящей в научный оборот незнакомые прежде архивные документы, сказано, что финансовая помощь дальневосточного Секретариата Коминтерна китайским коммунистам, помимо идейной и организационной, использовалась по разным направлениям — как на содержание немногочисленного аппарата КПК, так и на все виды деятельности партии. Расходы по организации и работе I—VII съездов КПК были оплачены Коминтерном. Коминтерн содержал аппарат КПК в течение почти 15 лет²⁸.

Если в начале 1921 г. ассигнования из России составляли всего 200 кит. долл., то к концу года сумма достигла приблизительно 17 655 кит. долл.²⁹ Помощь китайским коммунистам оказывалась в критической для Советской России ситуации: помимо тягот гражданской войны летом 1921 г., начался голод в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на Украине. И хотя в течение 1921–1922 гг. голодали в России 40 млн человек, для Китая в поддержку КПК продолжали выделяться финансовые средства.

Таким образом, влияние Октябрьской социалистической революции на Китай складывалось из целого ряда направлений и адресатов, которые в рамках статьи невозможно охватить полностью.

Влияние Советов и Коминтерна на дальнейшее развитие КПК в 1920-х годах предоставит ученым новый материал для исследования и обобщения темы.

1. Подробно см.: *Н.Л. Мамаева*. Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 123–128.

2. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао: [Очерк по истории Китайской Народной республики]. Сюй цзюань: [Том-предисловие]. Пекин, 2012. С. 86–87; Чжунго гунчаньдан лиши: [История Коммунистической партии Китая]. Т. 1 (1921–1949). Кн. 1. Пекин, 2011. С. 33.
3. *Ивин А.* За СССР. За революционный Китай. М.; Л., 1929. С. 22.
4. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения / пер. с кит. Т. 3. М., 1953. С. 215–220.
5. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 91.
6. Там же. С. 90; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. С. 249, 255–257.
7. Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. // История Китая с древнейших времен до начала века: в 10 т. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII. М., 2013. С. 90.
8. Новейшая история Китая 1917–1927. М., 1983. С. 48–49.
9. Документы внешней политики СССР: в 10 т. М., 1957–1965. Т. 2. С. 223.
10. Китайская Республика (1912–1949). С. 108, 111.
11. *Ивин А.* Указ. соч. С. 24.
12. Красное знамя. Владивосток. 21.05.1920.
13. *Мировицкая Р.А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920–1924). М., 1962. С. 14–24.
14. Новейшая история Китая 1917–1927. С. 70.
15. URL: http://bookz.ru/authors/alekseev-mihail/sovetska_087/page-3-sovetska_087.html.
16. См. подробно: *Н.Л. Мамаева.* Коминтерн и Гоминьдан 1919–1929. М., 1999.
17. *Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991. С. 17.
18. Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан.
19. Там же. С. 24.
20. См.: *Соколов А.К.* Курс Советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 19–21.
21. *Соколов А.К.* Историческая география России. М., 2016. С. 170–171.
22. См.: *Ли Дачжао.* Избранные произведения. Сб. статей / пер. с кит. М., 1989.
23. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 91.
24. См., например: *Мао Цзэдун.* Автобиография. Стихи / сост., предисл., коммент., пер. с кит. и англ. А.В. Панцова. М., 2008. С. 121.
25. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 92.
26. *Сотникова И.Н.* Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М., 2015. С. 228. Подчеркнем, что расходы Коминтерна развитие китайского коммунистического движения практически целиком оплачивались Советским государством. Это положение убедительно представлено в книге И.Н. Сотниковой.
27. Из письма Б.З. Шумяцкого М.В. Кобецкому (Омск, 26 февраля 1921 г.); Письмо Г. Маринга Кобецкому М.В. (Шанхай, 9 июля 1921 г.) / К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 130–131.
28. *Сотникова И.Н.* Указ. соч. С. 231–232.
29. Эти сведения, представленные китайским историком Ян Куйсуном, цит. по: *Сотникова И.Н.* Указ. соч. С. 232.